

Рис. 4. Обмазанная керамика переходного этапа от поздней бронзы к раннему железу.
 1–2, 5 – Мугерган, 3–4 – Шахсенгер, 6–7 – Берикей (по О.М. Давудову);
 8–9 – Зандак (по В.И. Марковину).

В VI в. н.э. Сасанидский Иран в связи с участвовавшими вторжениями кочевых племен гуннов, савир и тюрков, пытавшихся прорваться по известному Прикаспийскому пути через Дербентский проход к богатым странам Закавказья и Переднего Востока, предпринял на Восточном Кавказе, там, где горы Кавказа наиболее близко подходят к Каспию, строительство грандиозного фортификационного комплекса, призванного стать надежным заслоном на пути номадов.

Дербентская оборонительная система включила в себя два основных элемента. Первый – это собственно город, получивший название *Дарбанд* (ср.–перс. *дар* «ворота», *банд* «узел, плотина»), которое впервые засвидетельствовано армянским ученым VII в. Ананием Ширакаци в его «Географии» («Ашхарацуйц»): «...до него (Каспийского моря. – Авт.) доходит хребет Кавказа, на котором построена стена Дарбанда, что значит «связка» и «ворота», город стражи Чора (*khalakh rahakin Čoray*), огромная башня, сооруженная в море» (*Géographie de Moïse de Corène...*, 1881. P.27). Город архитектурно оформляли цитадель (ныне называемая *Нарын-кала*), расположенная на вершине отрога Джалганского хребта на высоте ок.200 м над уровнем моря и занимающая площадь 3,5 га, и две (южная и северная) городские стены, отходившие от цитадели и полностью перегородившие узкую (ок.3,5 км) полосу приморской равнины и уходившие в море на расстояние ок.150 м (о морских стенах Дербента см.: *Kudrjavcev A.A., Gadžiev M.S.*, 2001; *Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С.*, 2003). Между городскими, почти параллельными стенами, обнимавшими площадь св.140 га, и располагался город (*шахристан*), обживаемая территория которого составляла в позднеасанидский период ок.30 га. Вторым основным элементом Дербентской оборонительной системы являлась так называемая Горная стена *Даг-бары*, которая начиналась у юго-западной угловой башни цитадели и тянулась в горы с серией фортов и крепостей на расстояние ок.45 км.

Каменный оборонительный комплекс Дербента VI в., сменивший сырцовые укрепления, возведенные в Дербентском проходе в V в. в правление шаханшаха Йездигерда II (439–457) и ознаменовавшие первый этап сасанидского оборонительного строительства на Восточном Кавказе (*Кудрявцев А.А.*, 1978. С.31–43; 1979. С.243–257; *Гаджиев М.С.*, 1989. С.61–76), стал вершиной фортификационного зодчества и венцом в системе *Limes Caspius* – кордонных «длинных стен», опоясавших Каспий на востоке и западе, на границе оседло-земледельческого и кочевническо-скотоводческого миров.

Большинство арабских и персидских авторов IX–X вв. (ал-Балазури, Ибн ал-Факих, ал-Масуди, ал-Истахри, Ибн Хордадбех, Кудама, Ибн Рустэ, ал-Мукаддаси, Хамза Исфাহани) строительство каменной Дербентской фортификационной системы приписывают шаханшаху Хосрову I Ануширвану (531–579). Так, например, арабский историк IX в. ал-Балазури в своей «Книге завоевания стран» (*Ahmad Ibn Yahya al-Balādhurī*, 1866) приводит правдивый рассказ о том, как «царь царей» – шаханшах Хосров Ануширван, желая возвести непреодолимые укрепления в Дербенте для защиты своих владений от набегов кочевников, предложил правителю-хакану хазар «мир, дружбу и согласие» и в знак этого «просил отдать ему в жены дочь» – хазарскую принцессу. Обрадованный возможностью в будущем иметь претензии на трон Ирана, хакан хазар, заключив мир, отправил принцессу к шаху. Хосров же, воспользовавшись мирной передышкой и дабы воины соперничавших держав не враждовали, с согласия хакана возвел «стену из скалы и свинца от моря до вершины гор и повесил у входа железные ворота». Ну а вслед за этим шах возвратил принцессу обманутому отцу. Заметим, что в действительности речь идет о браке Хосрова с дочерью Истеми-хана – правителя могущественного Тюркского каганата, который был заключен около 554 г. и закрепил союзные отношения двух великих держав (*Артамонов М.И.*, 1962. С.133–135. Прим.* на с. 134–135; *Гумилев Л.Н.*, 1967. С.39–40. Прим. 62).

По сообщению более позднего автора – Захир ад-Дина Мар’аши (ум. в 1487 г.), укрепления Дербента возводил по поручению Хосрова I его наместник, правитель

Дербента Нарсе б. Джамасп (*Sehir-eddin's Geschichte...*, 1850. S.38). Подобные сведения приводит и Али Гилани (XVII в.) в своей «Истории Мазандарана» (*Mulla Sheikh Ali Gilani*, LIX, 32; цит. по: *Kiani M.Y.*, 1982. P.14).

Однако некоторые письменные источники (Ибн ал-Факих, ат-Табари, Дербендаме) сооружение этой оборонительной линии связывают и с именем отца Хосрова Ануширвана – Кавада I (488–531) и даже его деда – Пероза (457–484). А албанский историк Мовсес Каланкатваца, повествуя о событиях в Дербенте (Чор) в начале VII в., акцентирует внимание на том, что не царь, а «...цари персидские (выделено мной – Авт.) за огромные деньги построили, обескровив свою страну и изыскивая архитекторов и много различных материалов, великолепные укрепления, которыми они закрыли проход между горой Кавказ и Восточным морем» («... the kings of Persia had built at great expense, bleeding their country and recruiting architects and procuring many different materials for the construction of the wonderful works with which they blocked [the passes] between Mount Caucasus and the Eastern sea [Caspian sea]») (*The History of the Caucasian Albanians...*, 1961. II, 11. P.83; ср. переводы этого пассажа: *Каланкатваца Мовсес*. 1984. С.78; *История Агван...*, 1861. С.105).

Имена тысяч рядовых участников этой «стройки века» нам неизвестны, но на стенах Дербента имеются «автографы» многих из них в виде вырезанных знаков – различных *нешанов*, *тамг*, символов (*Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С.*, 1994. С.18–19; *Гаджиев М.С., Хуфф Д.*, 1998. С.66–68; *Gadžiev M.S., Kudrjavcev A.A.*, 2001. S.357–390). В отличие от этих «немых» свидетелей грандиозного фортификационного строительства, на оборонительных стенах Дербента сохранились и относительно немалочисленные строительные надписи VI в., выполненные среднеперсидским письмом. В результате проведенных изысканий исследователями на сегодняшний день выявлено 32 надписи, и, по всей видимости, в ближайшем будущем количество их останется неизменным.

Среди них особый интерес представляет надпись № 3 (по нумерации Е.А. Пахомова: *Пахомов Е.А.*, 1929. С.1–25), обнаружение которой долгое время приписывалось академику И.А. Орбели (1887–1961), посетившему Дербент в 1928 г. (*Пахомов Е.А.*, 1929. С.11,14; *Тревер К.В.*, 1959. С.347). Однако, как было установлено (*Гаджиев М.С.*, 2002а. С.45–50), эта надпись была выявлена еще в 1850 г., когда Дербент посетил известный любитель древностей, коллекционер и знаток сасанидской нумизматики, чл.–корр. РАН, генерал-лейтенант И.А. Бартоломей (1813–1870). Она приведена в «Альбоме рисунков надписей с памятников Дербента», который был выявлен В.А. Крачковской (*Крачковская В.А.*, 1946) в Ученом архиве Русского географического общества в Санкт-Петербурге (*[Ханыков Н.В.]*. Разр.52. Оп.1. №63). Этот альбом был составлен Н.В. Ханыковым после 1862 г. (*Эпиграфические памятники Северного Кавказа...*, 1966. С.33), и в нем наряду с 10 акварельными рисунками различных руин исторических памятников и 50 рисунками арабских и персидских надписей из Закавказья, Ирана, Дагестана содержатся рисунки 26 средневековых надписей из Дербента, среди которых и одна среднеперсидская. Сличение рисунка этой надписи с известными среднеперсидскими надписями Дербента не оставляет никаких сомнений, что перед нами уникальная надпись № 3, опубликованная в 1929 г. Е.А. Пахомовым (*Пахомов Е.А.*, 1929. С.14. Табл. II, 3).

Надпись № 3 расположена на северной городской стене, на куртине между башнями 9 и 10, в 2 м от башни 9, на высоте 1,2 м (3-й ряд кладки от современной дневной поверхности), на облицовочном блоке размером 54x107 см (рис. 1). На этой же куртине находятся надписи № 5 и № 11. Надпись семистрочная, высота строчных букв 6,5-7 см, выполнена она курсивом, близким к книжному, и имеет вертикальное направление строк. Ее текст гласит:

(1) ZNH W MN ZNH	ēn ud az ēn
(2) 'pl	ābar

(3) ŠNT 37	sāl 37
(4) dlywš ZY	Dariuš ī
(5) 'twrp'tkn	Ādurbādagān
(6) 'mlkl	āmargar
(7) krty	kard

«Это и отсюда вверх, в году 37, Дариуш, амаргар Адурбадагана, сделал».

Надпись эта уникальна тем, что содержит дату. Относительно прочтения даты среди исследователей нет единодушия. Г.С. Ньюберг первым предложил чтение ее как «год 700» и писал: «Слово, обозначающее «год», вполне ясно и недвусмысленно, и в значении числительного также вряд ли можно усомниться. Надо полагать, что мы здесь имеем дело с арсакидским летосчислением, ведшимся от 247 года до н. эры; таким образом, получается год 553 по н. эре. Это вполне подтверждается указаниями историков, по которым крепостные стены г. Дербенда значительно укрепил и надстроил шах *Xusrav Anōšīrvān...*» (*Ньюберг Г.С.*, 1929. С.29).

Это чтение – «год 700» – было принято рядом авторитетных исследователей, правда, увидевших в этой дате иное летосчисление. Э. Херцфельд воспринял ее по полуполюгендарной «эре Зороастра», которая, согласно зороастрийской традиции, началась в «258 г. после Александра» (*Herzfeld E.*, 1947. P.13–15), т.е. после 323 г. до н.э. Таким образом, отсчет ведется от 65 г. до н.э. и получается, что дата «год 700» фиксирует 635 г. н.э. Г. Гропп также принял это чтение даты, но уже по селевкидской эре, начало которой приходится на 312/311 г. до н.э., и определил дату надписи как 389 г. н.э. (*Gropp G.*, 1970. S.173,208; 1975. S.316. Anm.4). Однако С.Ю. Касумова позднее заметила, что селевкидская эра в Сасанидском Иране применялась только христианами и в имеющихся среднеперсидских надписях этого времени случаев датировки по этой эре нет; не позволяет согласиться с этим мнением и палеография надписи – ее развитое курсивное письмо и вертикальное направление (*Касумова С.Ю.*, 1979. С.124; 1988. С.92). Эти даты неприемлемы и с исторической точки зрения: 635 г. приходится на правление последнего Сасанида – Йездигерда III (632–651)⁸, а 389 г. – на царствование шаханшаха Варахрана IV (388–399). Тогда как письменная традиция, как отмечалось, связывает возведение Дербентского оборонительного комплекса с именем Хосрова I Ануширвана (531–579), а также его отца Кавада I (488–531).

Уже Е.А. Пахомов вслед за выходом статьи Г.С. Ньюберга показал неприемлемость даты «год 700» по аршакидской эре, что приходится на 453 г., а не 553 г., как неверно подсчитал Г.С. Ньюберг. Он предложил более обоснованное чтение даты как «год 37» и связал ее с правлением Хосрова I, что соответствует 568 г. (*Пахомов Е.А.*, 1929. С.14–15)⁹. Это чтение было принято и В.Б. Хеннингом, который, однако, пред-

⁸ Первый год правления Йездигерда III послужил отправной точкой для летосчисления, которое используется после падения державы Сасанидов и поныне зороастрийцами и получило наименование «годов Йездигерда» (см.: *Лившиц В.А.*, 1975. С.329; *Taqizadeh S.H.*, 1939. P.904–906).

⁹ Следует, однако, иметь в виду, что официально первый год правления шаханшахов, и в том числе Хосрова I Ануширвана, приходился не на год занятия престола (Хосров предположительно занял трон в сентябре 531 г.), а на следующий календарный год, когда в день Нового года – Ноуруза «Нового дня» – 1-го числа месяца Фравардина (день весеннего равноденствия) происходила коронация нового правителя. Год фактического вступления во власть числился последним годом правления предшественника. Таким образом, официально Хосров начал править с 532 г. и с этого года велся отсчет дат, т.е. 37-й год правления Хосрова более приходится на 569 г.

ложил и чтение «год 27» (*Henning W.B.*, 1958. S.48–49).

В.Г. Луконин сначала предложил словесное чтение даты как «год третий» (*sidīgār*), отметив при этом, что «написание даты в надписях Дербента ничем не отличается от ее написания на монетах того же Хосрова I» (*Луконин В.Г.*, 1969. С.45. Прим. 23). В 1970 г., по информации С.О. Хан-Магомедова, В.Г. Луконин посчитал уже возможным перевод даты как «год 17» правления Хосрова I (*Хан-Магомедов С.О.*, 1979. С.27; 2002. С.62). Но позже в рецензии на статью А.А. Кудрявцева он предложил чтение «год 9» или «год 18» (*Кудрявцев А.А.*, 1978. С.256–257. Прим. 69; 1982. С.94). С.Ю. Касумовой же было поддержано чтение Е.А. Пахомова – «год 37», т.е. 568 г. (*Касумова С.Ю.*, 1979. С.123–124; 1988. С.94–95; 1994. С.27).

Таким образом, на сегодняшний день среди специалистов нет единого мнения в решении одного из важных вопросов среднеперсидской эпиграфики Дербента. Но в целом они единодушны в принадлежности надписей к VI в. и связи представленной в надписи № 3 даты со временем правления Хосрова I Ануширвана (см., напр.: *Артамонов М.И.*, 1946. С.137; *Henning W.B.*, 1958. S.48; *Lukonin V.G.*, 1983. P.683; *Kettenhofen E.*, 1996. P.16). На это указывает и палеография надписей, и их вертикальная форма (*Gignoux P.*, 1976. P.304–305).

В начале третьей строки слово «год» (*ŠNT = sāl*) читается уверенно. Далее следует цифровое обозначение в виде семи коротких и одной удлиненной вертикальных линий, соединенных горизонтальной чертой, которая завершается поперечной вертикальной линией. Это написание, как было предложено еще Е.А. Пахомовым (*Пахомов Е.А.*, 1930. С.14–15), достаточно четко можно рассматривать как обозначение цифры «37», написанной в обратном порядке (ШШШХХХ), в которой единицы предшествуют десяткам – семь коротких начальных линий обозначают единицы, две последних черты ясно отражают среднеперсидское написание цифры «30». Но нормальным в среднеперсидских надписях является написание даты с десятками в начале и последующими единицами, и, по всей видимости, здесь мы имеем дело с *larsus calami* – сходная ошибка резчика присутствует, например, в согдийской надписи на серебряном блюде IV в. из собрания Эрмитажа (*Касумова С.Ю.*, 1979. С.123. Прим. 70; 1994. С.33–34. Прим. 65).

Непосредственный визуальный осмотр надписи № 3 позволяет констатировать, что в ней нет обозначения цифры «20» (J) и нет обозначения цифры «10» (و), что исключает, на наш взгляд, возможность чтения соответствующих дат. В представленном в надписи цифровом обозначении последние два знака (после семи коротких черт) – высокая вертикальная линия и короткая поперечная – дают достаточно уверенное обозначение цифры «30». Отпадает также чтение «год 9», т.к. здесь нет изображений девяти единиц; при буквенном же обозначении этой даты должно было бы быть написано *nwhm/nhwm (nohom/nohum)*. И, наконец, что касается чтения «год третий» – *ŠNT stykl/styk (sāl sidīgār/sidīg)*, то в надписи ничего похожего на буквенное написание такой даты также нет (*Касумова С.Ю.*, 1979. С.124).

А.А. Кудрявцев обратил внимание исследователей, что при принятии чтения «год 37» (и тем более дат «год 18» или «год 9») следует иметь в виду, что столь продолжительное правление имели не только Хосров I (531–579) и Хосров II (590–628), но и Кавад I (484–531). Это, в свою очередь, допускает возможность начала строительства Дербентского оборонительного комплекса при Каваде, что отвечает и ряду свидетельств письменных источников (Ибн ал-Факих, ат-Табари, Дербенд-наме) (*Кудрявцев А.А.*, 1978. С.256–257. Прим. 72; 1982. С.94–95). Вместе с тем исследователь, используя прием сопоставления возможной даты с оценкой политической обстановки в регионе (позволявшей или не позволявшей вести колоссальное оборонительное строительство и определявшей саму необходимость в фортификации или отсутствие таковой), в свое время примененный М.И. Артамоновым (*Артамонов М.И.*, 1946. С.137), указал, что 27-й или 37-й годы правления Кавада приходятся «на время появления и активизацию в Закавказье савир, что несомненно должно было

вызвать новые шаги Сасанидов по укреплению прикаспийских проходов и важнейшего из них – Дербентского, а «18 год» – на отвоевание Кавадом Дербентских укреплений у гуннов и начало здесь широких строительных работ» (*Кудрявцев А.А.*, 1982. С.94).

Целесообразно подробнее рассмотреть предложенные даты – «год 18» (В.Г. Луконин), «год 27» (В.Б. Хеннинг), «год 37» (Е.А. Пахомов) – в контексте военно-политической ситуации в регионе в VI в. Необходимо иметь в виду также то, что (как было установлено на основе изучения топографии среднеперсидских надписей Дербента в системе кладки северной оборонительной стены) приведенная в надписи № 3 дата фиксирует не промежуточный этап работ, а конечную дату строительства северной городской стены и цитадели Дербента, т.е. первого этапа сооружения Дербентского оборонительного комплекса (*Гаджиев М.С.*, 2000. С.124–126,129).

Указанные даты применительно ко времени правления Кавада соответствуют 507, 517 и 526 гг. и характеризуются весьма острой военно-политической обстановкой на Кавказе. Причем в связи с тем, что дата в надписи соответствует времени завершения первого этапа сооружения Дербентского оборонительного комплекса, необходимо учитывать, во-первых, ситуацию накануне возможных предлагаемых дат и, во-вторых, примерное время, затраченное на сам процесс строительства.

503–508 гг. приходится на время войны с гуннами (савирами?) (*Джафаров Ю.Р.*, 1979. С.166–172; 1985. С.72–73,76–77), вынужденного мира с Византией (507 г.), и вряд ли в это время могло осуществляться масштабное фортификационное строительство, которое требовало не только благоприятной военно-политической ситуации, но и значительных капиталовложений. Необходимо также отметить, что в 505 г. после заключенного перемирия Византия уплатила шаханшаху Каваду одиннадцать кентинариев золота (*Пигулевская Н.В.*, 1941. С.155; *Procop. De bello Pers.*, I, 9), т.е. около 360 кг.

516–517 гг. – это период очевидного союза Ирана с савирами (См.: *Артамонов М.И.*, 1962. С.70), вторжения последних через Каспийские ворота в азиатские пределы Византии (516/517 г. согласно Малале и Феофану: *Malal. Chron.* S.406; *Theoph. Byz. Fr.* 4)¹⁰ и в целом благоприятной обстановки для фортификационного строительства в Дербентском проходе, если не считать в определенной степени нелегкое финансовое положение Сасанидской державы, давнее отсутствие поступлений крупных партий золота от Византии в иранскую казну на поддержку кавказских проходов¹¹.

Наконец, год 527 и его канун – это новое обострение отношений между Ираном и Византией, война в Лазике, обострение отношений с савирами после событий 522 г. (убийство «царя гуннов» Зилгивина и уничтожение его 20-тысячной дружины – см. «Хронографию» Малалы и «Хронографию» Феофана: *Malal. Chron.*, S.415; *Theoph. Byz. Fr.* 4), посольство «царицы гуннов» Боа в Константинополь и установление ею военно-политического союза с Византией. Период с 522 г. по 526 г. представляется наиболее подходящим для крупномасштабного строительства, но опять таки оно требовало огромных финансовых затрат.

¹⁰ Феофан сообщает: «В этом году гунны, именуемые савир, переправившись через Каспийские ворота, совершили набег на Армению, разграбив Каппадокию, Галатию и Понт, чуть было не подступив к Евхаиту» (*Чичуров И.С.*, 1980. С.49).

¹¹ В 457 г. в период сложной внутренней ситуации в Иране (борьба за престол между шаханшахом Хормиздом III и его братом Перозом) Византия отказалась от своих обязательств по договору 442 г. о долевым финансировании и выплате Ирану денег на охрану кавказских проходов и не производила никаких выплат Ирану вплоть до 531 г., несмотря на неоднократные посольства и требования. Лишь в начале 480-х гг., судя по данным Иешу Стилита, шаханшах Пероз получил какую-то сумму от императора Зенона (474–491), а в 505 г. после заключенного перемирия Византия уплатила шаханшаху Каваду 11 кентинариев золота (*Пигулевская Н.В.*, 1941. С.155; *Procop. De bello Pers.*, I, 9), т.е. около 360 кг.

Вместе с тем следует обратить внимание на то, что значительные фортификационные работы в правление шаханшаха Кавада, точнее в период между 508–526 гг., когда Иран не находился в состоянии войны с Византией и вернул контроль над Восточным Кавказом и Дербентским проходом, действительно были предприняты в западном Прикаспии. Но речь должна идти не о строительстве каменного оборонительного комплекса в Дербентском проходе, а о сооружении многокилометровой Гильгильчайской оборонительной стены, которая достаточно надежно идентифицируется с «длинной стеной Апзут Кават до болот Альминон и до моря», о которой сообщает Анания Ширакаци (VII в.) в своей «Географии» («Ашхарацуйц») (*Géographie de Moïse Corène...*, P.27; *The Geography of Ananias of Širak...*, 1992, II, 12–13)¹² и которая получила свое имя в честь царствовавшего монарха (ср. – перс. *Āpžūt Kavāt* «Возвеличился Кавад»). Очевидно, что ее строительство было направлено против нового сильного кочевнического объединения во главе с гуннами-савирами. Можно также полагать, что полученные в 505 г. от Византии 11 кентинариев золота пошли именно на сооружение Гильгильчайской оборонительной стены.

Один из существенных аргументов в пользу мнения, что работы по возведению каменного Дербентского оборонительного комплекса были начаты в правление шаханшаха Хосрова Ануширвана, а не Кавада, ранее привела С.Ю. Касумова. При принятии точки зрения А.А. Кудрявцева о вероятном начале сооружения каменной фортификации Дербента при Каваде, тем не менее, ею было обращено внимание на то обстоятельство, что в надписях представлен амаргар Адурбадагана, т.е. крупный финансовый чиновник «стороны Адурбадаган» (*kust ī Ādurbādagān*), которая была образована в результате реформ Хосрова I в начальный период правления и в которую, помимо собственно Адурбадагана, вошли закавказские владения Сасанидов – марзбанства Албания, Армения, Иберия. Исходя из этого и чтения «год 37», эта дата была отнесена ко времени правления Хосрова I Ануширвана (568 г.) и определена как дата одного «из этапов строительных работ» (*Касумова С.Ю.*, 1988. С.94–95; 1994. С.27). Однако, учитывая то, что перед нами дата окончания первого этапа работ, который занял, как будет показано ниже, относительно непродолжительное время, возможность начала сооружения Дербентского комплекса при Каваде исключается.

Среди исследователей сложилось мнение, что огромные фортификационно-строительные работы в Дербентском проходе в VI в. заняли значительный промежуток времени. М.И. Артамонов, опираясь на дату «год 37» и оценивая военно-политическую ситуацию в регионе, пришел к выводу, что эти работы проводились в промежуток между 562–571 гг. (*Артамонов М.И.*, 1946. С.137). Но А.А. Кудрявцев с сомнением отнесся к возможности «сооружения огромного оборонительного комплекса с общим объемом кладки около 2 млн. куб. м ... в такие сжатые сроки» и полагает, что «работы велись поэтапно, со значительными перерывами», но «основная часть работ была произведена в правление Хосрова Ануширвана» (*Кудрявцев А.А.*, 1982. С.95). При этом он подчеркнул, что «пехлевийские надписи отмечали определенные участки выполненных работ *первого этапа* (выделено мной. – Авт.)» (*Кудрявцев А.А.*, 1982. С.95). С.Ю. Касумова также считала, что каменные фортификационные работы в Дербенте требовали достаточно долгого времени (*Касумова С.Ю.*, 1988. С.93).

Эта точка зрения о значительной продолжительности строительства была одной из предпосылок принятия мнения (о котором говорилось выше) о начале сооружения каменной фортификации Дербента при шаханшахе Каваде. Исследователи приводили и слова албанского историка, который, рассказывая о событиях в Дербенте в

¹² О Гильгильчайской оборонительной стене см.: *Абдуллаев Х.П.*, 1968; *Алиев А.А.*, 1984; 1985; *Алиев А.А., Алиев И.Н., Гаджиев М.С., Гейтнер М.Г., Кол Ф.Л., Магомедов Р.Г.*, 2004; *Пахомов Е.А.*, 1933; *Aliiev A.A., Aliev I.N., Gadjiiev M.S., Gaither M.G., Kohl Ph.L., Magomedov R.M.* 2006.

начале VII в., замечает, что не царь, а «...цари персидские (выделено мной. – Авт.) за огромные деньги построили, обескровив свою страну и изыскивая архитекторов и много различных материалов, великолепные укрепления, которыми они закрыли проход между горой Кавказ и Восточным морем» (The History of the Caucasian Albanians..., 1961. II, 11. P.83); *Каланкатуаци Мовсес*, 1984. С.78). Однако это слова не современника строительства «великолепных укреплений», а автора конца VII– начала VIII в. (*Мамедова Ф. Дж.*, 1977. С.60–61), который в контексте главы (кн. II, гл. 11) мог несколько гиперболизировать реальные сведения.

Это дает возможность исключить приложение даты в надписи № 3 ко времени правления Кавада, но не исключает возможность начала сооружения Дербентского комплекса при нем. В этом аспекте весьма плодотворным может оказаться приложение предложенных дат ко времени правления Хосрова I и сопоставление полученных дат с военно-политической ситуацией в регионе, при которой могло или не могло осуществляться столь грандиозное строительство. В определенной мере такая работа уже проводилась исследователями (М.И. Артамонов, С.Ю. Касумова), но только относительно даты «год 37». При этом необходимо учитывать и примерное время, затраченное на сам процесс строительства фортификации Дербента.

Проведенные подсчеты показывают, что первый (начальный) этап строительных работ, ознаменовавшийся возведением северной городской стены и цитадели Дербента, занял относительно непродолжительное время. Также и на сооружение всего Дербентского оборонительного комплекса, включившего собственно Дербент (цитадель, северная и южная стены города) и 40-километровую Горную стену «Даг бары», очевидно, также не потребовалось огромного временного периода.

Но нас в данном случае интересует определение времени, затраченного на выполнение работ на первом этапе, а именно – на сооружение северной городской стены Дербента, которое важно скоррелировать с датой завершения строительства стены, обозначенной в надписи № 3. Для расчета времени, затраченного на строительные работы, необходимо определить объем выполненных работ и количество труда, вложенного в возведение стены. Первый показатель нетрудно вычислить, зная параметры и конструктивные особенности стены. Второй показатель можно рассчитать, используя строительные нормативы, известные для первой половины XIX в. и приведенные в «Урочных положениях на все вообще работы, производящиеся при крепостях, гражданских зданиях и гидротехнических сооружениях» (СПб., 1843). Подобный метод определения трудозатрат, учитывая относительно близкие технический и организационный уровни строительных работ, с успехом применялся специалистами в области истории архитектуры для исследования римских и византийских памятников, крепостных сооружений Хазарии (*Афанасьев Г.Е.*, 1993. С.143). Отдельные пункты этих нормативов прямо соответствуют тем видам строительных работ, которые производились при сооружении Дербентского оборонительного комплекса. Это сооружение траншеи под оборонительную стену, заготовка строительного камня, обработка (теска) камня, доставка его, кладка стены с наружным и внутренним панцирями и забутовкой, приготовление известкового раствора и заливка им забутовки стены.

За параметры северной городской стены нами приняты следующие средние данные: длина стены – 3700 м (с учетом изгибов башен), высота – 10 м, ширина (толщина) стены колеблется от 2,3 м до 3,8 м и за средний показатель принята ширина 3 м.

Эти параметры определяют примерный объем стены, равный 11100 куб. м (3700x3x10) добытого, обработанного и бутового, уложенного камня с забутовкой на известковом растворе. При этом объем тела стены (забутовки из рваного камня на известковом растворе), учитывая толщину наружного и внутреннего панцирей, составляет около 925000 куб. м, а объем облицовочной панцирной кладки из крупных обработанных плит – около 18500 куб. м; с учетом не только панциря, т.е. облицовочных плит, но и каменных блоков и плит, из которых изготовлялись мерлоны и машикули, эту цифру можно довести приблизительно до 20000 куб. м. При этом

площадь обработанного камня (плит и блоков) по самым скромным подсчетам равна 148000 кв. м (3700x10x4), где последняя цифра представляет сумму основных обработанных граней плит – лицевой и оборотной наружного и внутреннего панцирей; в этом показателе не учтены площадь обработанных боковых граней плит и такая конструктивная особенность, как укладка панцирных плит попеременно тычком и ложком, при которой плиты, уложенные тычком, по своим параметрам почти соответствуют плитам, положенным логом. Принимая во внимание эти данные (в особенности «скрытую» обработанную площадь тычковых плит, которые, подчеркнем, укладывались попеременно с ложковыми плитами), полученную цифру необходимо увеличить в 2 раза, что составит 296000 кв. м.

Согласно указанному «Урочному положению» при 12-часовом рабочем дне для выемки 1 куб. сажени (или 9,66 куб. м) чернозема и песка требуется 1,5 чел. Принимая во внимание приведенные выше параметры стены (длина, ширина), которые определяют длину и ширину траншей под фундамент, и весьма незначительный, не превышающий, как правило, 1 м фундамент городских стен Дербента, возводившихся на ровном спокойном рельефе, а также близкие почвенные (глинисто-песчаные) условия, трудозатраты на производство этих работ составляют примерно 1724 чел./дн. (3700x3x1:9,66x1,5).

Для заготовки 1 куб. сажени (9,66 куб. м) известнякового камня, предназначенного для постройки крепостных стен, необходимо около 9 чел. Зная примерный объем камня, пошедшего на забутовку тела стены и на ее облицовку (ок.111000 куб. м), получаем, что трудозатраты на эти работы составили примерно 103416 чел./дн. (111000:9,66x9).

Для обработки (тески) плит на каждые 14 кв. футов необходимо 4 каменотеса, т.е. 1 каменотес обрабатывал примерно в течение рабочего дня поверхность площадью 3,5 кв. фута (106,68 кв. см или ок.1,07 кв. м). Примерная площадь обработанной поверхности плит северной стены Дербента равна 296000 кв. м, а трудозатраты на ее обработку составили по меньшей мере 276635,5 чел./дн. (296000:1,07).

По нормативам кладку стены из камня объемом в 1 куб. сажень (9,66 куб. м) выполняют за 12-часовой рабочий день 6 каменщиков и 6 рабочих. Объем кладки дербентской стены, как выше подсчитано, составляет около 20000 куб. м, а труд, вложенный в нее, – ок.24845 чел./дн. (20000:9,66x12).

Согласно «Урочному уложению» забутовку пустот щебнем с плотной утрамбовкой и заливкой известковым раствором объемом в 1 куб. сажень (9,66 куб. м) выполняют 4 каменщика и 4 рабочих. Зная объем забутовки стены (92500 куб. м), определяем, что трудозатраты на этот вид строительных работ составили примерно 76604,5 чел./дн. (74000:9.66x8).

Таким образом, мы определили приблизительные трудозатраты на основные виды работ по строительству северной городской стены Дербента. В сумме они составляют 483225 чел./дн. (1724+103416+276635,5+24845+76604,5). Это, конечно, ориентировочный показатель, который, тем не менее, очевидно, относительно близок к реальному и дает нам представление о количестве труда, затраченного на сооружение оборонительной стены. Чтобы определить примерное время, ушедшее на строительные работы, необходимо узнать, сколько человек могли трудиться в течение года на этих работах. Это легко вычислить, зная количество трудозатрат: 483225 чел./дн. : 365 дн. = 1324 чел. Иными словами, чтобы выполнить вышеуказанные работы по сооружению северной городской стены Дербента 1324 чел. должны были трудиться в течение одного года. При этом нами не были учтены трудозатраты на изготовление известкового раствора, время на подвоз камня с мест его добычи и некоторые иные строительные-технические работы, а также подготовительные мероприятия, предшествовавшие собственно строительству (строительство временных складов и жилья для строителей, заготовка лесоматериалов и изготовление строительного инструментария и приспособлений и т.п.).

Даже если в приведенных расчетах допущены некоторые ошибки, обусловленные несколькими неточными исходными данными, некоторой разницей в нормативах, связанных со спецификой технических показателей строительных работ, и еще какие-либо погрешности, и если увеличить на порядок предполагаемые трудозатраты, то с учетом этих данных количество вложенного труда принципиально не изменится. К тому же, как думается, в строительстве принимало участие значительно большее количество людей, если принять во внимание протяженность городской стены (около 4 км), количество представленных типов знаков строителей Дербента и т.п. То есть, *приведенные расчеты, на мой взгляд, однозначно свидетельствуют о том, что сооружение укреплений Дербента на первом этапе работ было принципиально возможным в течение одного года.*

Это позволяет и иначе оценивать прочтение даты в надписи № 3 и предоставляет возможность определения абсолютной датировки начала возведения Дербентского оборонительного комплекса. Без боязни впасть в большую ошибку, можно утверждать, что если представленная в надписи дата фиксирует конечную дату строительства, то начало его нужно отнести примерно на год ранее. О возможности выполнения в предложенный короткий срок столь масштабных строительно-фортификационных работ свидетельствуют не только приведенные расчеты. Мы имеем и конкретное свидетельство о таком «оперативном» строительстве. Причем свидетельство – близкое хронологически и территориально.

Я имею в виду информацию сирийского автора VI в. Псевдо-Захария Ритора о строительстве византийского пограничного города-крепости Дара (Анастасиополь) в 505–506 гг. (*Zach. Retor*, VII, 6; *Пигулевская Н.В.*, 2000. С.555). Данное сообщение весьма интересно и в плане изучения организации фортификационного и городского строительства; приводимые автором сведения заслуживают доверия, т.к. он почерпнул их из надежного источника – архива города Амида (*Пигулевская Н.В.*, 2000. С.185–192). Заметим, что эта информация хронологически почти соответствует времени сооружения Дербента: новый стратегический пункт на границе с Сасанидским Ираном – город Дара сооружается в нач. VI в. сразу после завершения активных военных действий между войсками императора Анастасия (491–518) и шаханшаха Кавата (488–531) (о городе Дара (Анастасиополь) см.: *Collinet P.*, 1924; *Ensslin W.*, 1926). Важно отметить то, что оба города – Дербент и Дара – являлись пограничными, что накладывало определенный отпечаток на процесс строительства, а оборонительная архитектура, строительная техника, приемы, использованные при возведении обоих городов, были относительно близки и находились на одном уровне. Приводимые Псевдо-Захарием сведения в немалой степени отражают существовавшую подобную организацию строительства Дербента, и пространный пассаж, посвященный этому в сочинении сирийского хрониста, заслуживает того, чтобы его привести полностью:

«Он (император Анастасий) послал много каменотесов и каменщиков и приказал, чтобы никто не был обижен в оценке труда, так как он ясно понимал и хитро уразумел, что при этом условии он сможет быстро построить город на границе. Когда они достигли этого с помощью нашего Господа и начали, то там были надсмотрщиками и блюстителями над работами Кир Адон и Евтихиан, священники, Пафнутий, Саргис и Иоханан, дьяконы, и прочие из амидского клира. Часто находился там и епископ [Фома] и наблюдал. Золото давалось в изобилии, без какого-либо ущерба для ремесленников и всякого рода работников. Так, получал работающий за день до 4 кератионов¹³, а если с ним был осел, – и до 8. От этого приобрели и

¹³ *Кератион* – мелкая серебряная монета, весом около 2,6 г, соответствующая 1/24 золотого солида. Для сравнения отметим, что в описываемое автором время обычный заработок рабочего составлял 1 кератион в день, а цена 1 модия пшеницы составляла 4 кератиона (*Пигулевская Н.В.*, 2000. С.75).

разбогатели многие. Когда стало известно, что это дело прямое и мзда выдается, с востока до моря собрались [работники] крестьянство и ремесленники. Надсмотрщики над работой также получали хорошо, и наполнялись их карманы, так что они находили мужа [епископа] благосклонным, спокойным, ласковым, равно доверяющим императору и обещанному им ему. *В два, три года город был построен; так сказать, внезапно вырос на границе* (выделено мной. – Авт.). Когда Кавад услышал об этом, он хотел его разрушить, но не смог, потому что поставлена и отстроена была стена как защита для спасающихся за ней. Были построены большие бани, прекрасная житница, акведук, идущий с края горы, удивительная цистерна в середине города, принимавшая воду. Часто приходили контролеры от императора к епископу и все приносили хорошие сведения о его справедливости и праведности. Он был весьма благодарен этому мужу и посылал золото в ответ на его запрос и соглашался без возражений. Под конец кентинарии, которые он посылал, были сосчитаны, а епископ написал и послал царю, что он говорит, как перед Богом, что тратил на работу, что он ничего не оставил в своих руках и не передал своей церкви. Тотчас послал ему грамоту, что казна приняла при строительстве, что было в городе, все золото, которое было послано от него, и она наполнилась».

Принимая во внимание возможные чтения даты в надписи № 3, мы получаем следующие годы правления Хосрова I Ануширвана и время начального этапа сооружения Дербентского оборонительного комплекса: «год 18» соответствует 549/550 гг., «год 27» – 558/559 гг. и, наконец, «год 37» – 568/569 гг. Эти даты важно сопоставить с военно-политической ситуацией в регионе, при которой могло или не могло осуществляться грандиозное строительство, предпринятое в Дербентском проходе.

Первая предложенная дата вряд ли может быть принята, т.к. это время характеризуется острой военно-политической обстановкой, требовавшей значительных финансовых затрат на западных рубежах государства. Судя по данным Прокопия Кесарийского, который в своих сочинениях «Война с персами» и «Война с готами» оставил нам достаточно подробное описание хода военных действий, в 549 г., после 5-летнего мира, возобновляются военные столкновения между Ираном и Византией (*Proc. De bello Pers.*, II, 29, 29–32), в 550 г. в Лазике была разбита армия персидского полководца Хореана (*Proc. De bello Goth.*, IV, 8, 1–37). Хотя необходимо отметить, что к этому времени Иран уже располагал достаточными средствами для начала строительства: по ирано-византийскому договору 531 г. Константинополь выплатил Ирану 110 кентинариев золота (3,6 т) на охрану и содержание кавказских проходов (*Proc. De bello Pers.*, I, 22, 1–10); в 540 г. Хосров получил с четырех византийских городов (Иераполь, Апамя, Халкида, Эдесса) выкуп в размере более 5 тонн серебра и 4 кентинариев (130 кг) золота (*Proc. De bello Pers.*, II, 5–6, II, 10); в 544 г. Эдесса вновь уплатила выкуп в 5 кентинариев (около 162 кг) золота (*Proc. De bello Pers.*, II, 26–27), а в 545 г. уже император Юстиниан за 5-летнее перемирие заплатил Хосрову 20 кентинариев (650 кг) (*Proc. De bello Pers.*, II, 28, 1–12).

Как представляется, именно отсутствие в Дербентском проходе надежных оборонительных сооружений и участвовавшие «разбойничьи набеги врагов» – хазиров (хазар) (в особенности набег 551 г., когда, по словам Каланкатваца, «хазирьы пленили страну Алуанк» и «сожжены были церкви и книги заветов») (см.: *Артамонов М.И.*, 1962. С.125–126; *Джафаров Ю.Р.*, 1985. С.93–95; *Семенов И.Г.*, 2002. С.23) вынудили перенести в 552 г. престол патриарха Албанской церкви из Дербента (Чора) в Партав (*The History of the Caucasian Albanians...*, 1961. II, 4; *История Армении...*, 1860. С.48–49).

558–559 гг. характеризуются важными военно-политическими событиями на Кавказе. Это появление на Кавказе аваров, которые, очевидно, заключив союз с Ираном, в 558 г. нападают на савир – потенциальных врагов Ирана и утургур (утигур) (*Гумилев Л.Н.*, 1967. С.37–38) – союзников Византии, это и одновременная крупная кампания в Прикаспийский Дагестан Хосрова I Ануширвана, который, как сообщает

ат-Табари, направил войска против «народов абхаз, банджар, баланджар и алан» (*Шихсаидов А.Р.*, 1986. С.69–70; о датировке этого похода см.: *Семенов И.Г.*, 2002. С.24). Далее ат-Табари рассказывает о новом победном походе Хосрова «в сторону хазар», т.е. в северо-западный Прикаспий. Историк помещает это событие после своего рассказа об окончании войны Хосрова I против Византии (которая завершилась мирным договором, заключенным в конце 561 г.; см.: *Menand. Frag.*, 13) и перед рассказом о войне с эфталитами (которая началась в 562 г.: *Гумилев Л.Н.*, 1967. С.40). Это позволяет датировать данный поход между названными событиями 561–562 гг., очевидно, началом 562 г. И что для нас важно, именно после этих успешных военных кампаний Хосров Ануширван «завоевал Бурджан, затем вернулся и построил ал-Баб ва-л-абваб» (*Шихсаидов А.Р.*, 1986. С.70), т.е. Дербент. Ибн ал-Асир дополняет ат-Табари сведениями о постройке Хосровом городов Шабаран и Маскат и о назначении им правителей в этнополитические области Северо-Восточного Кавказа – Сарир, Филан, Лакз, Маскат и другие (*Ибн-ал-Асир.* 1940. С.10).

По данным арабских авторов IX–X вв. (ал-Балазури, Ибн ал-Факих, Йакуби, Ибн Хордадбех, Кудам), Хосров Ануширван основал на Кавказе (большей частью на Восточном Кавказе) свыше 20 укрепленных пунктов – городов, крепостей (именуемые в арабских источниках араб. *баб* «ворота» – калька со ср.-перс. *дар*). Но особый интерес представляет информация Ибн ал-Факиха и Ибн Хордадбеха о том, что Хосров «основал также Баланджар и Самандар» (*Ибн ал-Факих.* 1902. С.15; *Ибн Хордадбех.* 1986. С.109), которые позже станут важнейшими центрами Хазарского каганата и которые идентифицируются многими исследователями соответственно с раннесредневековыми Верхнечирюртовским и Махачкалинским (Тарки//Таргу и Анджи-кала//Анджи-арка) городищами в северо-западном Прикаспии (см., напр.: *Магомедов М.Г.*, 1975; 1983. С.46–57). Имена этих городов имеют удовлетворительные иранские этимологии, в особенности название Самандар (ср.-перс. *sāmān dar* «крайние (пограничные) ворота»), отражающее географическое положение укрепления – это крайнее северное дефиле в западном Прикаспии, и здесь располагались крайние «длинные» стены, перегораживавшие проход между морем и горами. Можно полагать, что укрепление этих опорных пунктов было осуществлено после победного похода персидских войск 562 г. «в сторону хазар» и приходится именно на 60-е гг. VI в.

Как представляется, предпринятые Ираном в конце 50-х – начале 60-х гг. V в. военные акции против северокавказских племен преследовали цель обеспечить не только временно спокойную ситуацию на Кавказе, но и возможность приступить к организации грандиозного фортификационного строительства на Восточном Кавказе – сооружения Дербентского оборонительного комплекса, строительства крепостей и укрепленных городов, призванных навсегда остановить вторжения номадов. И предложенные М.И. Артамоновым хронологические рамки времени возведения Дербентского оборонительного комплекса – 562–571 гг. – остаются верными с некоторой корректировкой. Это колоссальное строительство было подкреплено и финансовыми возможностями – согласно ирано-византийскому мирному договору 561 г., Византия брала на себя обязательство выплачивать Ирану ежегодно в течение 50 лет по 30 тысяч солидов, то есть по 136,5 кг золотой монетой. Причем, сумму за первые семь лет Константинополь выплачивал всю сразу, по истечении семи лет уплачивались деньги еще за три года, а затем выплаты должны были стать ежегодными (*Menand. Frag.*, 11). Таким образом, уже в начале 562 г. (договор был заключен в конце 561 г.) Ктесифон получил 955,5 кг золота (за 561–567 гг.), а в 568 г. – еще 409,5 кг (за 568–570 гг.). Значительная часть этих денег предназначалась на охрану и укрепление кавказских проходов и перевалов, и первым пунктом договора было условие, «чтобы Персы не позволяли ни Уннам (Οὐννοῦς; гуннам. – Авт.), ни Аланам (ἸΑλανοῦς), ни другим варварам переходить в римские владения ущельем, называемым Хорутзон (Χορυτζόν; Chorytzon; в ряде рукописей Tzon. – Авт.), и Каспийскими вратами (τῶν Κασπίων πύλων)...» (*Menand. Frag.*, 6).

Сооружение грандиозной фортификационной системы было направлено, несомненно, против нового мощного политического соперника Ирана на Востоке – Тюркского каганата, который с самого начала своего образования в сер. VI в. принял активные военно-политические акции. Первоначальные союзнические отношения Ирана и каганата, скрепленные браком Хосрова с тюркской принцессой еще в 554 г., после окончательного разгрома эфталитов (к 567 г.) переросли в открыто враждебные. Официальным поводом к военным действиям послужило унижительное требование Истеми-хана (хакан Синджибу арабских источников, Силзибул, Дизабул византийских авторов), чтобы персы выплачивали ему дань, которая ранее шла эфталитам (Артамонов М.И., 1962. С.134; Гумилев Л.Н., 1967. С.47). Одной же из основных причин войны были борьба за монополию в торговле шелком между Востоком и Западом, за контроль караванных путей и рынки сбыта.

Отказ Ирана от провоза через свою территорию товаров (и прежде всего шелка) на Запад и от посреднического участия в этой торговле (Гумилев Л.Н., 1967. С.42–45) поставил перед каганатом задачи, во-первых, решения этого вопроса военными средствами, и во-вторых, взятия под контроль северной ветви Великого шелкового пути (через северный Прикаспий и предкавказские степи к северному Причерноморью) и покорения Северного Кавказа, чтобы установить непосредственные торговые связи с Византией. Между 567–571 гг. Истеми–Синджибу подчинил себе кочевников северо-западного Прикаспия и приморского Дагестана – племена абхаз (савиры), банджар (болгары) и баланджар, которые «изъявили покорность» (Артамонов М.И., 1962. С.137–138; Гумилев Л.Н., 1967. С.47; Шихсаидов А.Р., 1986. С.70). В 568 г. в Константинополь через Кавказ прибыло посольство Истеми-хана (у Менаандра – Дизабул) во главе с согдийцем Маниахом для установления торговых контактов и военного союза против Ирана; в августе того же года вместе с Маниахом в ставку кагана на горе Эктаг отправился представитель императора Юстина II (565–578) полководец Земарх; здесь он стал свидетелем пренебрежительного отношения кагана к иранским послам, фактического объявления войны Хосрову II и начала военной кампании (Артамонов М.И., 1962. С.135–136; Гумилев Л.Н., 1967. С.46). Можно полагать, судя по известной дате начала миссии и продолжительности пути, что посольство Земарха к Истеми заняло не менее года и вернулось оно обратно в Константинополь не ранее осени 569 г. Исходя из этих же относительных данных, военные действия тюрков против Ирана на востоке начались приблизительно весной 569 г. И, по всей вероятности, после неудачных (?) военных акций на территории Средней Азии¹⁴ каган Истеми решил предпринять кампанию на кавказском фронте, о чем сообщает ат-Табари. Обращает на себя внимание, что к этому времени ни Земарх, ни сам Истеми не были осведомлены о сооружении в Дербентском проходе мощной фортификационной линии. Хотя Земарх как государственный деятель должен был знать, что в 568 г., согласно договору 561 г., Константинополь обязан был выплатить Ирану 90 тысяч золотых монет (ок.410 кг), и часть этой суммы должна быть направлена на укрепление и охрану кавказских рубежей.

По свидетельству ат-Табари, «Синджибу выступил во главе ста десяти тысяч воинов и подошел к [земле], прилегающей к стране Сул¹⁵. [Оттуда] он направил к

¹⁴ Тюрки, согласно информации Феофана Византийского, временно захватили даже «торговые города и порты сиров», очевидно, в юго-восточном Прикаспии (Гурган), но вскоре были вынуждены вернуться в Согдиану (см.: Гумилев Л.Н., 1967. С.47).

¹⁵ Все известные в арабских источниках топонимы с именем Сул – *ворота Сул* Хордадбеха и ат-Табари, *область Сул, страна Сул* ат-Табари, *крепость Сул* «Тарих ал-Баб», *город Сул* «Дарбанд-нама» – представляют собой кальки с соответствующих наименований с компонентом *Чор* армянских источников и, очевидно, недошедших среднеперсидских (ср.: *ягноб.* *џог* ‘узкое ущелье, дефиле’; см.: Хромов А.,

Кисра (Хосров I Ануширван. – Авт.) [письмо] с угрозами и настойчиво требовал от Кисра послать ему деньги, а [для] абхаз, банджар и баланджар – выкуп, который они отдавали этим народам до царствования Кисра, и [добавил], что если он не поспешит с присылкой того, что он требует, то он ворвется в его страну, будет с ним сражаться. Кисра не придавал значения его угрозам и отверг то, что он требовал, надеясь на свои укрепления в области Баб Сул и на труднодоступность путей и ущелий, по которым хакану Синджибу пришлось [бы] пройти к нему, и [также] на знание того, что по его приказу пограничную область Армии защищают 5 тысяч воинов-всадников и пехоты. И дошло до Синджибу [известие] об укреплении Кисрой пограничной области Сул, и он [вынужден был] удалиться вместе с теми, кто с ним был» (*Шихсаидов А.Р.*, 1986. С.69–70). Описанные ат-Табари события с достаточной уверенностью на основе выше изложенного могут быть датированы 570 г. В следующем 571 г. между Ираном и Тюркским каганатом был заключен мир на весьма выгодных для Хосрова Ануширвана условиях (*Гумилев Л.Н.*, 1967. С.47). Вместе с тем, приведенные сведения письменных источников, как представляется, наглядно указывают на то, что время начала сооружения Дербентского оборонительного комплекса следует датировать кануном описанных событий 570–571 гг. И это заключение хорошо соотносится с предложенными выше расчетами по времени начального этапа строительства этой фортификационной системы.

Таким образом, приведенные данные показывают, что среди предложенных специалистами определений даты в надписи № 3 наиболее приемлемой оказывается чтение «год 37» правления Хосрова I Ануширвана, которого придерживаются многие исследователи. Вместе с тем эти материалы фиксируют, как было отмечено, начало и завершение работ первого этапа строительства Дербентского комплекса (сооружение северной городской стены и цитадели) в 568–569 гг. В последующие же годы осуществлялось продолжение грандиозного строительства. Благодаря активной внешнеполитической деятельности Хосров Ануширван сделал то, что не смог сде-

1966. P.134). Об идентификации *араб.* Сул (*арм.* Чор, *груз.* Чора, Тζοῦρ Прокопия Кесарийского (De Bel. Goth., IV,3), «ворота Торайе (Tūrāyē)» Михаила Сирийца (Chron., d.1199), *даг.* Чулли, *лак.* Чурул, *авар.* Чор) и Дербента см.: *Кузнецов Н.*, 1893. С.423; *Marguaret J.*, 1901. S.96-100; 1903. S.489; *Артамонов М.И.*, 1962. С.120–121; *Кудрявцев А.А.*, 1978; 1979; 2000. С.38–45; *Гаджиев М.С.*, 2001. С.166–167; 2002б. С.10, 46–48). Сомнения в тождестве Сула Табари с Дербентом вносило его замечание о построенных Хосровом «укреплениях в области Сул из камня, вытесанного в области Джурджан» (*Шихсаидов А.Р.*, 1986. С. 69), *иран.* Гурган. В этой связи заметим, что протекающая в 23 км к югу от Дербента река еще в XIX в. носила древнее наименование Гурген / Гурган / Гургели (совр. тюркизированное наименование Гюльгеры-чай) (см., напр.: *Симонович Ф.Ф.*, 1958. С.139–141; Топографическая глазомерная съемка ... 1819–1820), имя которой могло послужить причиной проявившегося у Табари смешения исходной информации на основе сходства названия с одноименной рекой и областью на юго-восточном побережье Каспия. На древность этого иранского названия восточно-кавказской реки указывает информация ал-Масуди, который сообщает следующее: «Большая река по имени Курк-руд, что означает «река волка»... принимает в себя воды, стекающие с гор Кабк, и впадает в море недалеко от Баб ал-абваба (т.е. Дербента. – Авт.)...» (*Масуди*, 1908. С.35). Обратим внимание и на то, что соседние, рядом протекающие реки Рубас и Самур, также имеют иранскую (точнее, видимо, восточноиранскую) этимологию – соответственно «лиса» и «куница; соболь» (см.: *Минорский В.Ф.*, 1963. С.110. Прим. 10). Таким образом, перед нами не случайное, а закономерное явление, образующее топонимический ряд с «животными» названиями гидронимов и обязанное своим появлением в этой зоне, очевидно, расселившемуся здесь с IV в. ираноязычному племени маскутов (массагетов).

лать до него после ирано-византийского договора 442 г. ни один монарх Ирана (за исключением Йездигерда II, получавшего субсидии и от Феодосия, и от Маркиана) – он не только силой добился существенных выплат от Византии на охрану и содержание кавказских «ворот», но сделал возможным финансовое обеспечение крупнейшего фортификационного строительства на Кавказе. В ходе удачных войн с Византией Хосров получил от императора Юстиниана в 531, 545, 550 и 552 гг. 156 кентинариев золота (5108 кг); кроме того, в ходе кампаний 540 и 544 гг. с нескольких византийских городов был получен выкуп на общую сумму почти 300 кг золота и свыше 5 т серебра, не считая огромных богатств, захваченных при ограблении в 540 г. византийских городов (Семенов И.Г., 2002. С.24). Кроме этого, по ирано-византийскому договору 561 г. Иран получил 210 тысяч солидов (955 кг золота), а в 568 г. – еще 90 тысяч золотых монет (410 кг).

В приведенном выше пассаже из сочинения Захария Ритора о строительстве города Дары имеются важные сведения об оплате труда рядовым участникам строительства. Эти данные, как хронологически и территориально близкие, в определенной мере могут быть приложимы и к сравнительной характеристике оплаты труда при строительстве Дербентского оборонительного комплекса. Проводя данные расчеты, мы, конечно, не знаем оплату труда за строительные работы в Иране и на Кавказе, но тем не менее они дают нам допустимое представление об этом. При том что нам известны примерные трудозатраты на проведение первого этапа работ в Дербентском проходе, эти данные вместе с тем позволяют определить и приблизительные финансовые затраты на это фортификационное строительство. Такие расчеты оправданны и в том аспекте, что Иран получал от Византии в качестве платежного средства золотые монеты (солиды), выраженные в весовом стандарте (кентинарий), хотя оплата труда собственно на территории Ираншахра осуществлялась, конечно, в основной денежной единице – серебряной драхме, подобно тому, как и на территории Византии – в серебряных кератионах.

Как сообщает Захарий Ритор, «работающий получал за день до 4 кератионов, а если с ним был осел, – и до 8». Учитывая, что не все имели с собой тягловую силу, в качестве средней оплаты труда в день на одного человека можно принять 6 кератионов, что соответствует 1/4 золотого солида¹⁶. Если принять этот показатель как возможный и для фортификационно-строительных работ в Дербентском проходе, то зная общие трудозатраты на проведенные на начальном этапе работы (483225 чел./дн.), можно определить общую сумму выплат в солидах, которая составит 120806 золотых монет (483225x0,25). Если перевести эту цифру в весовую единицу, в данном случае в кентинарии, в которых Иран и получал выплаты от Византии, то она составит 549667,3 г (120806x4,55) или почти 550 кг золота. Таким образом, по приблизительным расчетам, на оплату труда при сооружении северной городской стены Дербента ушло свыше полутонны золота. Возможно, этот показатель был несколько ниже рассчитанного, учитывая вероятностный, более низкий уровень жизни населения Восточного Кавказа, низкий уровень развития товарно-денежных отношений, приоритет обменной торговли по сравнению с Передним Востоком. Но эта цифра, даже с учетом ее возможного уменьшения, вполне сопоставима с данными, которые приводят письменные источники, о количестве золота, выплаченного Византией Ирану на укрепление кавказской пограничной линии.

Таким образом, начало сооружения каменного оборонительного комплекса в Дербентском проходе и завершение начального этапа строительных работ следует датировать 568–569 гг. Для этого существовали как военно-политические условия, так и финансовые предпосылки, позволившие приступить к созданию колоссальной фортификационной системы на Кавказе, стоящей в одном ряду с такими шедеврами оборонного зодчества, как Великая Китайская стена, Стена Александра, Римский

¹⁶ *Солид* — золотая монета весом около 4,55 г.

лимес на Рейне и Дунае, Вал Адриана в Британии, и по праву образно именуемой Великой Кавказской стеной.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абдуллаев Х.П.*, 1968. Гильгильчайская оборонительная стена и крепость Чирах-кала // СА. № 2.
- Алиев А.А.*, 1984. Археологические раскопки Гильгильчайского оборонительного сооружения // Изв. АН АзССР. Сер. истории, философии и права. № 3. Баку.
- Алиев А.А.*, 1985. Об оборонительных сооружениях Кавказской Албании // Всесоюзная археологическая конференция. Тез. докл. Баку.
- Алиев А.А., Алиев И.Н., Гаджиев М.С., Гейтнер М.Г., Кол Ф.Л., Магомедов Р.Г.*, 2004. Новые исследования Гильгильчайской оборонительной стены // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XIV. М.–Магнитогорск.
- Артамонов М.И.*, 1946. Древний Дербент // СА. № 8.
- Артамонов М.И.*, 1962. История хазар. Л.
- Афанасьев Г.Е.*, 1993. Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. М.
- Гаджиев М.С.*, 1989. Исследования сырцово-глиняной фортификации цитадели Дербента сасанидского времени (по материалам раскопок Р–XI и Р–XIII) // Древняя и средневековая архитектура Дагестана. Махачкала.
- Гаджиев М.С.*, 2000. Новые находки и топография среднеперсидских надписей Дербента // ВДИ. № 2.
- Гаджиев М.С.*, 2001. Миссия епископа Исраела и вопросы исторической географии Кавказской Албании // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. МИАР. № 3. М.
- Гаджиев М.С.*, 2002а. Из истории открытия среднеперсидских надписей Дербента (к 280-летию изучения дербентской эпиграфики) // Восток (Oriens). № 5.
- Гаджиев М.С.*, 2002б. Древний город Дагестана. Опыт историко-топографического и социально-экономического анализа. М.
- Гаджиев М.С., Хуфф Д.*, 1998. Строительные знаки Дербента VI в. н.э. (предварительное сообщение) // Археологическая конференция Кавказа – I. Краткие содержания докладов. Тбилиси.
- Гумилев Л.Н.*, 1967. Древние тюрки. М.
- Джафаров Ю.Р.*, 1979. К вопросу о первом появлении сабир в Закавказье // ВДИ. № 3.
- Джафаров Ю.Р.*, 1985. Гунны и Азербайджан. Баку.
- Ибн ал-Асир*, 1940. Тарих-ал-Камиль (Полный свод истории). Материалы по истории Азербайджана / Пер. П.К. Жузе. Баку.
- Ибн ал-Факих*, 1902. Книга о странах / Пер. Н.А. Караулова // СМОМПК. Вып. XXXI. Тифлис.
- Ибн Хордадбех*, 1986. Книга путей и стран / Пер. с араб., комментарии, исследование, указатели и карты Н. Велихановой. Баку.
- История Агван Моисея Каганкатвази, писателя X в. 1861. / Пер. с арм. К. Патканьян. СПб.
- История Армении Мхитара Айриванеци. 1860. Изд. М. Эмина (на древнеарм. яз.). М.
- Каланкатуаци Мовсес*, 1984. История страны Алуанк / Пер. с древнеарм., предисл. и коммент. Ш.В. Смбатяна. Ереван.
- Касумова С.Ю.*, 1979. К толкованию среднеперсидских надписей из Дербента // ВДИ. № 1.
- Касумова С.Ю.*, 1988. Новые находки среднеперсидских надписей в Дербенте // ВДИ. № 1.
- Касумова С.Ю.*, 1994. Среднеперсидская эпиграфика Кавказской Албании (Дербент). Города Издана. Баку.
- Крачковская В.А.*, 1946. Неизвестный альбом по арабской и персидской эпиграфике // ЭВ. Вып. II.
- Кудрявцев А.А.*, 1978. О датировке первых сасанидских укреплений в Дербенте // СА. № 3.
- Кудрявцев А.А.*, 1979. Длинные стены на Восточном Кавказе // ВДИ. № 11.
- Кудрявцев А.А.*, 1982. Древний Дербент. М.
- Кудрявцев А.А.*, 2000. К отождествлению раннесредневековых городов Чора и Дербента // Историко-археологический альманах. Вып. 6. Армавир–М.
- Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С.*, 1994. Знаки на стенах Дербента // Тез. докл. научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Институтов ИАЭ и ЯЛИ в 1992–1993 гг. Махачкала.

- Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С.*, 2003. Подводные археологические исследования в акватории Дербента // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XII. М.–Магнитогорск.
- Кузнецов Н.*, 1893. Дербент // Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Т.19. СПб.
- Лившиц В.А.*, 1975. «Зороастрийский» календарь // Бикерман Э. Хронология древнего мира. Ближний Восток и античность. М.
- Луконин В.Г.*, 1969. Среднеперсидские надписи из Кара-тепе // Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. М.
- Магомедов М.Г.*, 1975. Древние политические центры Хазарии // СА. № 3.
- Магомедов М.Г.*, 1983. Образование Хазарского каганата (по материалам археологических исследований и письменным данным). М.
- Мамедова Ф. Дж.*, 1977. «История албан» Моисея Каланкатуйского как источник по общественному строю раннесредневековой Албании. Баку.
- Масуди*, 1908. Луга золота и рудники драгоценных камней / Пер. Н.А. Караулова // СМОМПК. Вып. XXXVIII. Тифлис.
- Минорский В.Ф.*, 1963. История Ширвана и Дербенда. М.
- Ньюберг Г.С.*, 1929. Материалы по истолкованию пехлевийских надписей Дербента // Известия общества обследования и изучения Азербайджана. № 8. Вып. V. Баку.
- Пахомов Е.А.*, 1929. Пехлевийские надписи Дербента // Известия общества обследования и изучения Азербайджана. № 8. Вып. V. Баку.
- Пахомов Е.А.*, 1930. К толкованию пехлевийских надписей Дербента // Известия АГ-НИИ. Т. I. Вып. 2. Баку.
- Пахомов Е.А.*, 1933. Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье // Проблемы истории материальной культуры. № 9-10. М.
- Пигулевская Н.В.*, 1941. Сирийские источники по истории народов СССР. М.–Л.
- Пигулевская Н.В.*, 2000. Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы. СПб.
- Семенов И.Г.*, 2002. Этнополитическая история Восточного Кавказа в III–VI вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала.
- Симонович Ф.Ф.*, 1958. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // История, этнография и география Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы. Под ред. М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М.
- Топографическая глазомерная съемка окрестности города Дербента, владения Табасарани и ханства Кюринского, 1819–1820 гг. // РГВИА. ВУА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19451.
- Тревер К.В.*, 1959. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.–Л.
- Хан-Магомедов С.О.*, 1979. Дербент. Горная стена. Аулы Табасарана. М.
- Хан-Магомедов С.О.*, 2002. Дербентская крепость и Даг-бары. М.
- [*Ханыков Н.В.*] Альбом рисунков с памятников и надписей города Дербента // Ученый архив РГО. Разр. 52. Оп. 1. № 63.
- Хромов А.*, 1966. Новые материалы по лексике языка ягнобцев // Acta Orientalia. XXX. Iranian Studies. Copenhagen.
- Чичуров И.С.*, 1980. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. М.
- Шихсаидов А.Р.*, 1986. Книга ат-Табари «История посланников и царей» о народах Северного Кавказа // Памятники истории и литературы Востока. Период феодализма. М.
- Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. 1966. Ч.1. Надписи X–XVII вв. / Тексты, переводы, комментарии, введение и приложения Л.И. Лаврова. М.
- Ahmad Ibn Yahyā al-Balādhurī*, 1866. Kitāb futuh al-buldān. Liber expugnationis regionum auctore Imāmo Ahmed ibn Jahja ibn Djābir al-Belādsorī. E codice Leidensi et codice Musei Britannici edidit M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum (Leiden).
- Aliev A.A., Aliev I.N., Gadjeiev M.S., Gaither M.G., Kohl Ph.L., Magomedov R.M.*, 2006. The Ghilghilchay Defensive Long Wall: New Investigations // Ancient West and East. Vol. 5. (No. 1-2).
- Collinet P.*, 1924. Une ville neuve byzantine. La foundation de Dara (Anastasiopolis) // Mélanges G. Schlumberger. Paris.
- Ensslin W.*, 1926. Zur Gründungsgeschichte von Dara-Anastasiopolis // Byzantinisch-neugrechische Jahrbücher. Bd. 5. Athen.

- Gadžiev M.S., Kudrjavcev A.A.*, 2001. Steinmetzzeichen des 6. Jahrhunderts n. Chr. in Darband // AMIT. Bd. 33. Berlin.
- Géographie de Moïse de Corène d'après Ptolémée. 1881. Ed. et tr. A. Soukry. Venice.
- Gignoux P.*, 1976. Review on G. Gropp, 1975 // *Studia Iranica*. 5.
- Gropp G.*, 1970. Bericht über eine Reise in West- und SüdIran // AMI. N.F. Bd. 3. Berlin.
- Gropp G.*, 1975. Die Derbent-Inschriften und das Adur Gusnasp // Monumentum H.S. Nyberg. I. (Acta Iranica. 4). Tehran–Liège.
- Henning W.B.*, 1958. Mitteliranisch. Handbuch der Orientalistik. Abt. 1. Bd. IV. Leiden–Köln.
- Herzfeld E.*, 1947. Zoroaster and his World. Vol. I. Princeton.
- Kettenhofen E.*, 1996. Darband // Encyclopædia Iranica. Ed. by Ehsan Yarshater. Vol. VII. Costa Mesa, California.
- Kiani M.Y.*, 1982. Parthian sites in Hyrcania: the Gurgan plain. (AMI. Ergänzungband 9). Berlin.
- Kudrjavcev A.A., Gadžiev M.S.*, 2001. Archäologische Unterwasseruntersuchungen an der Küste von Darband // AMIT. Bd. 33. Berlin.
- Lukonin V.G.*, 1983. Political, Social and Administrative Institutions. Taxes and Trade // The Cambridge History of Iran. Vol. III. Pt. 2. The Seleucid, Parthian and Sasanian Periods. Cambridge.
- Marguart J.*, 1901. Eranšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenaci. Mit historisch-kritischen Kommentar und historischen und topographischen Excursen. Berlin.
- Marguart J.*, 1903. Osteuropäische und ostasiatische Streifsüge. Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9 und 10. Jahrhunderts (ca 840-940). Leipzig.
- Mulla Sheikh Ali Gilani.* The History of Mazandaran. Ed. by Dr. M. Sutudeh // Entesherat Bunyad-i Farhang-i Iran.
- Sehir-eddin's* Geschichte von Tabaristan, Rujan und Mazanderan. 1850. Persischer Text, hrsg. von B. Dorn. (Muhammedanische Quellen, I Theil). St.-Pbg.
- Taqizadeh S.H.*, 1939. Various Eras and Calendars Of Islam // BSOS. Vol. 9.
- The Geography of Ananias of Širak (Ašxaracoiz). 1992. The Long and the Short Versions. Introduction, transl. and comm. by R.H. Hewsen. Wiesbaden.
- The History of the Caucasian Albanians by Movsēs Dasxuranci. 1961. Transl. by C.J.F. Dowsett. London.

